

Гроздь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> приятного чтения!

Гроздь. Владимир Владимирович Набоков

[1]

Посвящается памяти моего отца

I. ГРОЗДЬ

«Кто выйдет поутру? Кто спелый плод подметит?..»

Кто выйдет поутру? Кто спелый плод подметит?

Как тесно яблоки висят!

Как бы сквозь них, блаженно солнце светит,
стекая в сад.

И, сонный, сладостный, в аллеях лепет слышен:

то словно каплет на песок

тяжелых груш, пурпурных поздних вишен
пахучий сок.

На выгнутых стволах цветные тени тают,

на листьях солнечный отлив...

Деревья спят, и осы не слетают

с лиловых слив.

Кто выйдет ввечеру? Кто плод поднимет спелый?

Кто вертограда господин?

В тени аллеи, один, лилейно-белый,
живет павлин.

1922

«Придавлен душною дремотой...»

Придавлен душною дремотой,

я задышался в черном сне.

Как птица, вздрагивало что-то

непостижимое во мне.

И возжелал я в буйном блеске
свободно взмыть, – и в сердце был

тяжелый шорох, угол резкий

каких-то исполинских крыл.

И жизнь мучительно и чудно

вся напряглась и не могла

освободить их трепет трудный –

крутые распахнуть крыла.

Как будто каменная сила –

неизмеримая ладонь –

с холодным хрустом придавила

их тяжкий шелковый огонь.

Ах, если б звучно их раскинуть,

исконный камень превозмочь,

громаду черную содвинуть,

прорвать глухонемую ночь, –

с каким бы громом я воспрянул,

огромен, светел и могуч!

Какой бы гром в ответ мне грянул

из глубины багряных туч!

«Есть в одиночестве свобода...»

Есть в одиночестве свобода,

и сладость – в вымыслах благих.

Звезду, снежинку, каплю меда

я заключаю в стих.

И, еженочно умирая,

я рад воскреснуть в должный час,

и новый день – росинка рая,

а прошлый день – алмаз.

«Из блеска в тень и в блеск из тени...»

Из блеска в тень и в блеск из тени

с лазурных скал ручьи текли,

в бреду извилистых растений

овраги вешние цвели.

И в утро мира это было:

дикарь, еще полунемой,

с душой прозревшей, но бескрылой, –
косматый, легкий и прямой, –
заметил, взмахивая луком,
при взлете горного орла,
с каким густым и сладким звуком
освобождается стрела.
Забыв и шелесты оленьи,
и тигра бархат огневой, –
он шел, в блаженном удивленье
играя звучной тетивой.
Ее притягивал он резко
и с восклицаньем отпускал.
Из тени в блеск и в тень из блеска
ручьи текли с лазурных скал.
Янтарной жилы звон упругий
напоминал его душе
призывный смех чужой подруги
в чужом далеком шалаше.
«Я на море гляжу из мраморного храма...»
Я на море гляжу из мраморного храма:
в просветах меж колонн, так сочно, так упрямо
бьет в очи этот блеск, до боли голубой.
Там благовония, там – звоны, там – прибой,
а тут, на вышине, – одна молитва линий
стремительно простых; там словно шелк павлиний,
тут целомудренность бессмертной белизны.
О, муза, будь строга! Из храма, с вышины, –
гляжу на вырезы лазури беспокойной, –
и вот восходит стих, мой стих нагой и стройный,
и наполняется прохладой и огнем,
и возвышается, как мраморный, и в нем
сквозят моей души тревоги и отрады,
как жаркая лазурь в просветах колоннады.
«Туман ночного сна, налет истомы пыльной...»
Туман ночного сна, налет истомы пыльной
смываю мягко-золотой,
тяжелой губкою, набухшей пеной мыльной
благоуханной и густой.
Голубоватая, в купальне млечно-белой,
вода струит чуть зримый пар,
и благодарное я погружаю тело
в ее глухой и нежный жар.
А после, насладясь той лаской шелковистой,
люблю я влагой ледяной
лопатки окатить... Мгновенье – и пушистой
я обвиваюсь простыней.
Чуть кожа высохла, – прохлада легкой ткани
спадает на плечи, шурша...
Для песен, для борьбы, для сказочных исканий
готовы тело и душа.
Так мелочь каждую – мы, дети и поэты,
умеем в чудо превратить,
в обычном райские угадывать приметы
и что ни тронем, – расцветить...
«На черный бархат лист кленовый...»
На черный бархат лист кленовый
я, как святыню, положил:
лист золотой с пыльцой пунцовой
между лиловых тонких жил.
И с ним же рядом, неизбежно,
старинный стих – его двойник,
простой, и радужный, и нежный,
в душевном сумраке возник;
и все нежнее, все смиренней
он лепетал, полутаясь,
но слушал только лист осенний,
на черном бархате светясь...
«Нас мало – юных, окрыленных...»

Нас мало – юных, окрыленных,
не задохнувшихся в пыли,
еще простых, еще влюбленных
в улыбку детскую земли.
Мы только шорох в старых парках,
мы только птицы, мы живем
в очаровании пятен ярких,
в чередовании звуковом.
Мы только мутный цвет миндальный,
мы только первопутный снег,
оттенок тонкий, отзвук дальний, –
но мы пришли в зловещий век.
Навис он, грубый и огромный,
но что нам гром его тревог?
Мы целомудренно бездомны,
и с нами звезды, ветер, Бог.
«Садом шел Христос с учениками...»
На годовщину смерти Достоевского

Садом шел Христос с учениками..
Меж кустов, на солнечном песке,
вытканном павлиньими глазками,
песий труп лежал не вдалеке.
И резцы белели из-под черной складки,
и зловонным торжеством
смерти заглушен был ладан сладкий
теплых миртов, млеющих кругом.
Труп гниющий, трескаясь, раздулся,
полный склизких, слипшихся червей..
Иоанн, как дева, отвернулся,
сгорбленный поморщился Матфей..
Говорил апостолу апостол:
«Злой был пес, и смерть его нага,
мерзостна...»

Христос же молвил просто:

«Зубы у него – как жемчуга...»

На смерть А. Блока

I.

За туманами плыли туманы,
за луной расцветала луна..
Воспевал он лазурные страны,
где поет неземная весна.
И в туманах Прекрасная Дама
проплывала, звала вдалеке,
словно звон отдаленного храма,
словно лунная зыбь на реке.
Узнавал он ее в трепетанье
розоватых вечерних теней
и в метелях, смятенье, молчанье
чародейной отчизны своей.
Он любил ее гордо и нежно,
к ней тянулся он, строен и строг, –
но ладони ее белоснежной
бледный рыцарь коснуться не мог..
Слишком сумрачна, слишком коварна
одичалая стала земля,
и, склонившись на щит лучезарный,
оглянул он пустые поля.
И обманут мечтой несказанной
и холодною мглой окружен,
он растаял, как месяц туманный,
как далекий молитвенный звон.

II.

Пушкин – радуга по всей земле,
Лермонтов – путь млечный над горами,
Тютчев – ключ, струящийся во мгле,
Фет – румяный луч во храме.
Все они, уплывшие от нас

Гроздь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

в рай, благоухающий широко,
собрались, чтоб встретить в должный час
душу Александра Блока.

Выйдет он из спутанных цветов,
из лады, на белые ступени...

Подойдут божественных певцов
взволновавшие тени.

Пушкин – выпуклый и пышный свет,
Лермонтов – в венке из звезд прекрасных,
Тютчев – веющий росой, и Фет,
в ризе тонкой, в розах красных.
Подойдут с приветствием к нему,
возликут, брата принимая
в мягкую цветную полутьму
вечно дышащего мая.

И войдет таинственный их брат,
перешедший вьюги и трясины,
в те сады, где в зелени стоят
Серафимы, как павлины.

Сядет он в тени ветвей живых,
в трепетно-лазоревых одеждах,
запоет о сбывшихся святых
сновиденьях и надеждах.

И о солнце Пушкин запоет,
Лермонтов – о звездах над горами,
Тютчев – о сверканьи звонких вод,
Фет – о розах в вечном храме.

И среди них прославит жданный друг
ширь весны нездешней, безмятежной,
и такой прольется свет вокруг,
будут петь они так нежно,
так безмерно нежно, что и мы,
в эти годы горестей и гнева,
может быть, услышим из тюрьмы
отзвук тайный их напева.

«Как воды гор, твой голос горд и чист...»

И. А. Бунину

Как воды гор, твой голос горд и чист.
Алмазный стих наполнен райским медом.
Ты любишь мир и юный месяц, лист,
желтеющий над смуглым сочным плодом.
Ты любишь змей, тяжелых злых узлов
лиловый лоск на дне сухой ложбины.
Ты любишь нежный шелест голубиный
вокруг лазурных, влажных куполов.
Твой стих роскошный и скупой, холодный
и жгучий стих один горит, один
над маревом губительных годин,
и весь в цветах твой жертвенник свободный.
Он каплет в ночь росю ледяной
и янтарями благовоний знойных,
и нагота твоих созвучий стройных
сияет мне как бы сквозь шелк цветной.
Безвестен я и молод в мире новом,
кошунственном, но светит все ясней
мой строгий путь: ни помыслом, ни словом
не согрешу пред музою твоей.

1922

II. Ты

«Когда, туманные, мы свиделись впервые...»
Когда, туманные, мы свиделись впервые,
когда задумчиво вернулся я домой,
мне все мерещились глаза твои живые
сквозь дымку чуждости. Я заперся в немой
и светлой мастерской, моих видений полной,
где в солнечной пыли белеет бог безмолвный,
где музу радуют два бронзовых борца,

их мышцы вздутые, лоснящиеся спины,
и в глыбе голубой сырой и нежной глины
я призрак твоего склоненного лица
руками чуткими по памяти наметил:
но за туманами еще таилась ты,
и сущности твоей тончайшие черты
в тот день я не нашел. И вновь тебя я встретил,
и вновь среди тишины высокой мастерской,
забыв наружный мир, с восторгом и тоской,
я жадно стал творить, и вновь прервал работу...
Чредой сияли дни, чредой их позолоту
смывала мгла ночей. Я грезил и ваял,
и приходил к тебе, простые слышал речи,
глубокий видел взор, и после каждой встречи
чертою новою, волшебной наполнял
несовершенное твое изображение.
Порой казалось мне, что кончен тонкий труд,
что под рукой моей твои уста поют,
что я запечатлел живое выражение,
все тени, все лучи любимого лица...
но, встретившись с тобой, я чувствовал, как много
еще не найдено, как смутно, как убого
подобие твое... Далече до конца,
но будет, будет час, когда я, торжествуя,
нас разделявшую откину кисею,
сверкнет твоя душа, и Счастьем назову я
работу лучшую, чистейшую мою.
«Мечтал я о тебе так часто, так давно...»
Мечтал я о тебе так часто, так давно,
за много лет до нашей встречи,
когда сидел один, и кралась ночь в окно,
и перемигивались свечи.
И книгу о любви, о дымке над Невою,
о неге роз и море мгlistом
я перелистывал – и чуял образ твой
в стихе восторженном и чистом.
Дни юности моей, хмельные сны земли,
мне в этот миг волшебнo-звонкий
казались жалкими, как мошки, что ползли
в янтарном блеске по клеенке...
я звал тебя. Я ждал. Шли годы, я бродил
по склонам жизни каменистым
и в горькие часы твой образ находил
в стихе восторженном и чистом.
И ныне, наяву, ты, легкая, пришла,
и вспоминаю суеверно,
как те глубокие созвучья-зеркала
тебя предсказывали верно.

Сонет

Весенний лес мне чудится... Постой,
прислушайся... На свой язык певучий
переведу я тысячи созвучий,
что плещут там под зеленью святой.
И ты поймешь, и слух прозрачный твой
все различит: и солнца смех летучий,
и в небе вздох блестящей легкой тучи,
и песню пчел над шепчущей травой.
И ты войдешь тропинкою пятнистой
туда, в мой лес, и нежный и тенистый,
где сердце есть у каждого листка,
туда, где нет ни жалоб, ни желаний,
где азбуке душистой ветерка
учился я у ландыша и лани.
«Позволь мечтать. Ты первое страданье...»
Позволь мечтать. Ты первое страданье
и счастье последнее мое,
я чувствую движение и дыханье
твоей души... Я чувствую ее,

как дальнее и трепетное пенье..
позволь мечтать, о, чистая струна,
позволь рыдать и верить в упоенье,
что жизнь, как ты, лишь музыки полна.

«Ее душа, как свет необычайный...»
Ее душа, как свет необычайный,
как белый блеск за дивными дверьми,
меня влечет. Войди, художник тайный,
и кисть возьми.

Изобрази цветную вереницу
волшебных птиц, огнисто распиши
всю белую, безмолвную светлицу
ее души.

Возьми на кисть росинки с розы чайной
и красный сок раскрывшейся зари.
Войди, любовь, войди, художник тайный,
мечтай, твори.

«Когда захочешь, я уйду...»
Когда захочешь, я уйду,
утрату сладостно прославлю, –
но в зацветающем саду,
во мгле пруда тебе оставлю
одну бесценную звезду.

Заглянешь ты в зеркальный пруд
и тронешь влагу, и движенья
беспечных рук звезду вспугнут,
но зыбь утихнет, отраженье
вернется вновь, шепнет: я тут..
Ты кинешь камешек, и вновь
зыбь круговая гладь встревожит.
О, нет, звезде не прекословь,
растаять в сумраке не может
мой лучший луч, моя любовь..
Над влагой душу наклоня,
так незаметно ты привыкнешь
к кольцу тончайшего огня;
и вдруг поймешь, и тихо вскрикнешь,
и тихо позовешь меня...

«О, светлый голос, чуть печальный...»
О, светлый голос, чуть печальный,
слыхал я прежде отзвук твой,
пугливый, ласково-хрустальный,
в тени под влажною листвой
и в старом доме, в перезвоне
подвесок-искорок... Звени,
и будут ночи, будут дни
полны видений, благовоний;
забуду ветер для тебя,
игравший в роще белоствольной,
навек забуду ветер вольный,
твой лепет сладостный любя..
Очарованье звуковое,
не умолкай, звени, звени.
Я вижу прошлое живое,
между деревьями огни
в усадьбе прадеда, и окна
открыты настезь, и скользят,
как бы шелковые волокна,
цветные звуки в темный сад,
стекая с клавишей блестящих
под чьей-то плещущей рукой
и умолкая за рекой,
в полях росистых, в синих чащах.
«Все окна открыв, опустив занавески...»
Все окна открыв, опустив занавески,
ты в зале роялю сказала: живи!
Как легкие крылья во мраке и блеске,
задвигались руки твои.

Под левой – мольба зазвенела несмело,
под правую – отклик волнисто возник,
за клавишем клавиш, то черный, то белый,
звения, погружался на миг.
В откинутой крышке отливы лоснились,
и руки твои, отраженные там,
как бледные бабочки, плавно носились
по черным и белым цветам.
И звуки холмились во мраке и в блеске,
и ропот взбирался, и шепот сбегал,
и ветер ночной раздувал занавески
и звездное небо впускал.
«В полнолуние, в гостинной пыльной и пышной...»
В полнолуние, в гостинной пыльной и пышной,
где рояль уснул среди узорных теней,
опустив ресницы, ты вышла неслышно
из оливковой рамы своей.
В этом доме ветхом, давно опустелом,
над лазурным креслом, на светлой стене
между зеркалом круглым и шкапом белым,
улыбалась ты некогда мне.
И блестящие клавиши пели ярко,
и на солнце глубокий вспыхивал пол,
и в окне, на еловой опушке парка,
серебрился березовый ствол.
И потом не забыл я веселых комнат,
и в сиянье ночи, и в сумраке дня,
на чужбине я чувал, что кто-то помнит,
и спасет, и утешит меня.
И теперь ты вышла из рамы старинной,
из усадьбы любимой, и в час тоски
я увидел вновь платя вырез невинный,
на девичьих висках завитки.
И улыбка твоя мне давно знакома
и знаком изгиб этих тонких бровей,
и с тобою пришло из родного дома
много милых, душистых теней. –
Из родного дома, где легкие льдинки
чуть блестят под люстрой, и льется в окно
голубая ночь, и страница из Глинки
на рояле белеет давно...
«О, любовь, ты светла и крылата...»
О, любовь, ты светла и крылата, –
но я в блеске твоём не забыл,
что в пруду неизвестном когда-то
я простым головастиком был.
Я на первой странице творенья
только маленькой был запятой, –
но уже я любил отраженья
в полнолуние и день золотой.
И, дивясь темно-синим стрекозкам,
я играл, и нырял, и всплывал,
отливал гуттаперчевым лоском
и мерцающий хвостик свивал.
В том пруду изумрудно-узорном,
где змеились лучи в темноте,
где кружился я живчиком черным, –
ты сияла на плоском листе.
О, любовь. Я за тайной твоею
возвращаюсь по лестнице лет...
В добрый час водяную лилею
полюбил головастик-поэт.
Глаза
Под тонкою луной, в стране далекой, древней,
так говорил поэт смеющейся царевне:
Напев сквозных циклад умрет в листве олив,
погаснут светляки на гиацинтах смятых,
но сладостный разрез твоих продолговатых

Гроздь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

атласно-темных глаз, их ласка, и отлив
чуть сизый на белке, и блеск на нижней веке,
и складки нежные над верхнею, – навеки
останутся в моих сияющих стихах,
и людям будет мил твой длинный взор счастливый,
пока есть на земле цикады и оливы
и влажный гиацинт в алмазных светляках.

Так говорил поэт смеющейся царевне
под тонкою луной, в стране далекой, древней...
«Пускай все горестней и глуше...»

Пускай все горестней и глуше
уходит мир в стальные сны...
Мы здесь одни, и наши души
одной весной убелены.
И вместе, вместе, и навеки,
построим мир – незримый, наш;
я в нем создал леса и реки,
ты звезды и цветы создашь.
И в этот век огня и гнева
мы будем жить в веках иных –
в прохладах моего напева,
в долинах ландышей твоих.
И только внуки наших внуков –
мой стих весенний полюбя –
сквозь тень и свет воздушных звуков
увидят – белую – тебя...

III. УШЕДШЕЕ

Пасха
я вижу облако сияющее, крышу
блестящую вдали, как зеркало... Я слышу,
как дышит тень и каплет свет...
Так как же нет тебя? Ты умер, а сегодня
сияет влажный мир, грядет весна Господня,
растет, зовет... Тебя же нет.
Но если все ручьи о чуде вновь запели,
но если перезвон и золото капли –
не ослепительная ложь,
а трепетный призыв, сладчайшее «воскресни»,
великое «цвети», – тогда ты в этой песне,
ты в этом блеске, ты живешь!..

«Молчи, не вспенивай души...»

Молчи, не вспенивай души,
не расточай свои печали, –
чтоб слезы душу расцвечали
в ненарушаемой тиши.

Слезу – бесценный самоцвет –
таи в сокровищнице черной...
В порыве скорби непокорной
ты погасил бы тайный свет.
Блаженно-бережно таи
дар лучезарный, дар страданья, –
живую радугу, рыданья
неизречимые твои...

Чтоб в этот час твои уста,
как бездыханные, молчали...
Вот – целомудрие печали,
глубин священных чистота.

Тристан

I.

По водам траурным и лунным
не лебедь легкая плывет,
плывет ладья и звоном струнным
луну лилейную зовет.
Под небом нежным и блестящим
ладью, поющую во сне,
с увещеваньем шелестящим
волна передает волне.
В ней рыцарь раненый и юный

склонен на блеклые шелка,
и арфы ледяные струны
ласкает бледная рука.
И веют корабли далече
и не узнают никогда,
что это плачет и лепечет –
луна ли, ветер иль вода...

II.

Я странник. Я Тристан. Я в рощах спал душистых
и спал на ложе изо льда.
Изольда, золото волос твоих волнистых
во сне являлось мне всегда.
Деревья надо мной цветущие змеились;
другие, легкие, как сны,
мерцали белизной. Изольда, мы сходились
под сенью сумрачной сосны.
Я тигра обаграл средь тьмы и аромата,
и бег лисицы голубой
я по снегу следил. Изольда, мы когда-то
вдвоем охотились с тобой.
Встречал я по пути гигантов белоглазых,
пушистых, сморщенных детей.
В полночных небесах, Изольда, в их алмазах
ты не прочтешь судьбы моей.

1921

«Ты видишь перстень мой? За звезды, за каменья...»
Ты видишь перстень мой? За звезды, за каменья,
горящие на дне, в хрустальных тайниках,
и на заломленных русалочьих руках,
его я не отдам. Нет глубже упоенья,
нет сладостней тоски, чем любоваться им
в те чуткие часы, средь ночи одинокой,
когда бывает дух ласкаем и язвим
воспоминаньями о родине далекой...
и многоцветные мне чудятся года,
и колокольчики лиловые смеются,
над полем небеса колеблются и льются,
и жаворонка звон мерцает, как звезда...
О, прошлое мое, я сетовать не вправе!
О, Родина моя, везде со мною ты!
Есть перстень у меня: крупница красоты,
росинка русская в потускневшей оправе...

«Я помню только дух сосновый...»

Я помню только дух сосновый,
удары дятла, тень и свет...
Моряк косматый и суровый,
хожу по водам много лет.
Во мгле выглядываю сушу
и для кого-то берегу
татуированную душу
и бирюзовую серьгу.
В глуши морей, в лазури мрачной,
в прибрежном дымном кабаке –
я помню свято звук прозрачный
цветного дятла в сосняке.

Рождество

Мой календарь полуопалый
пунцовой цифрою зацвел;
на стекла пальмы и опалы
мороз колдующий навел.
Перистым вылился узором,
лучистой выгнулся дугой,
и мандаринами и бором
в гостинной пахнет голубой.

23 сентября 1921

Берлин

На сельском кладбище
На кладбище солнце, сирень и березки

и капли дождя на блестящих крестах.
Местами отлипли сквозные полосы
и в трубки свернулись на светлых стволах.
Люблю целовать их янтарные раны,
люблю их стыдливые гладить листки...
То медом повеет с соседней поляны,
то тиной потянет с недалей реки.
Прозрачны и влажны зеленые тени.
Кузнечики тикают. Шепчут кусты, –
и бледные крестики тихой сирени
кропят на могилах сырые кресты.
violeta tricolor[2]

Анютины глазки, веселые глазки,
в угрюмое марево наших пустынь
глядите вы редко из ласковой сказки,
из мира забытых святынь...
Анютины глазки... Расплывчато вьется
по черному бархату мягкий узор,
лиловый и желтый, и кротко смеется
цветов целомудренный взор...
Мы к чистой звезде потеряли дорогу,
мы очень страдали, котомки пусты,
мы очень устали... Скажите вы Богу,
скажите об этом, цветы!
Простим ли страданью, найдем ли звезду мы?
Анютины глазки, молитесь за нас,
да станут все люди, их чувства и думы,
немного похожи на вас!

В зверинце
Тут не звери, а боги живут!
Ослепленный любитесь люд
павлинами, львами...
А меня почему-то привлек
ты, пушистый, ушастый зверек
с большими глазами.
Отыскал тебя в дальних краях
путешественник в синих очках,
в кокосовой шапке
и, с добычей вернувшись назад,
написал по-латыни доклад
о складке на лапке...
Ходит, ходит, не видя людей,
желтый лев за решеткой своей,
как маятник медный;
рядом – белый сияет павлин...
Кто заметит тебя? Ты один,
тушканчик мой бедный!
И с тоскою великой любви
я в глаза углубляюсь твои,
большие, больные:
в них вся жалоба жизни моей,
в них предсмертная кротость детей,
страданья родные...

Ночные бабочки
Я помню вечера в начале листопада,
ночную глубину тоскующего сада,
где дуба одного листва еще густа,
и млеет мглистая густая темнота
под ветками его, и нежные ночницы
еще к нему летят в лиловый сонный час:
трепещут в темноте незримые ресницы,
порхают призраки пушистые...

Для вас,
ночные бабочки, приманку я готовлю:
предчувствуя с утра удачливую ловлю,
я пиво пьяное мешаю пополам
с согретой патокой, потом прибавлю рому.
И в сад я выхожу к туманам, чудесам,

и липким золотом я мажу по сырому
дубовому стволу, и с кисти каплет сок,
по трещинам ползет, блестящий и пахучий...
Шафранный шар луны всплывает из-за тучи,
и дуб, сообщник мой, развесист и высок.
Впитал он не одно земное сновиденье;
я жду в лиловой мгле, и он со мною ждет.
И вот, таинственно-внезапно, как паденье
звезды, задумчиво-беззвучно, как полет
цветочного пушка, – одна, затем другая
тень малая скользит, белеясь и мигая:
рождаются во тьме седые мотыльки.
На ствол я навожу круг лампочки карманной
и вижу: пять ночниц вбирают сок дурманный,
блаженно выпустив витые хоботки
и крылья серые на розовой подкладке
подняв, оцепенев, – и вдруг, взмахнув крылом,
скрываются во мрак – и вновь на запах сладкий
слетаются легко. Стою перед стволом,
внимательно слежу наряд их полуявный,
окраску и узор, и, выбрав мотылька,
над самую корой я всплескиваю плавно
белесой кисеей широкого сачка.
Чудесные часы! Восторг воспоминанья!
Волнуется душа... Латинские названья
кружатся в голове, а ночь тепла, мутна...
Висит в набухшей мгле лимон луны огромный.
Вдали, между ветвей, за клумбами, за темной
площадкою, – горят в усадьбе три окна.
Оттуда в должный час меня окликнуть можно,
сказать, что спать пора, и, выглянув в окно,
увидеть: черный сад, фонарик осторожный,
мелькнувшего сачка белесое пятно...
И возвращаюсь я с добычею воздушной:
еще стучится жизнь о стенки коробка,
на вату лью эфир, холодный, сладко-душный,
под грудку я беру малютку мотылька, –
слабеет, гаснет он, – крылатый человек,
и в пробковую щель меж липовых дощечек
поимки бережно я вкалываю в ряд.
Усните, крылышки, глазастые головки,
тончайшие сяжки!..

Вот пухлый шелкопряд,
рябой, как палый лист, вот крылья черной совки
с жемчужной ижицей на жилке узловой,
вот веер крохотный с бахромкой световой,
вот кроткий старичок, монашек в темной рясе,
и вот царевна их, невеста ветерка:
две ленты бархата на розовом атласе,
фламинговый пушок на кончике брюшка...
Спасибо, нежные!.. Шли годы за годами,
вы таяли с теплом и вспыхивали вновь.
Неизъяснимую я чувствовал любовь,
мечтательно склонясь над вашими рядами
в стеклянных ящиках, душистых и сухих,
как легкие листы больших поблекших библий
с цветами блеклыми, заложенными в них...
Не знаю, мотыльки, быть может, вы погибли;
проникла плесень, моль, подъели червячки,
сломались крылышки, и лапки, и сяжки, –
иль руки грубые заветный шкаф открыли
и хрустнуло стекло, – и вы превращены
в цветную горсточку благоуханной пыли...
Не знаю, нежные, но из чужой страны
гляжу я в глубину тоскующего сада;
я помню вечера в начале листопада,
и дуб мой на лугу, и запах медовой,
и желтую луну над черными ветвями, –

и плачу, и лечу, и в сумерки я с вами
витаю и дышу под ласковой листвой.

IV. ДВИЖЕНИЕ

В поезде

Я выехал давно, и вечер неродной
рдел над равниною нерусской,
и стихословили колеса подо мной,
и я уснул на лавке узкой.

Мне снились дачные вокзалы, смех, весна,
и, окруженный тряской бездной,
очнулся я, привстал, и ночь была душна,
и замедлялся ямб железный...
По занавескам свет, как призрак, проходил.

Внимая трепету и тренью
смолкающих колес, – я раму опустил:
пахнуло сыростью, сиренью!

Была передо мной вся молодость моя:
плетень, рябина подле клена,
чернеющий навес, и мокрая скамья,
и станционная икона.

И это длилось миг... Блестя, поплыли прочь
скамья, кусты, фонарь смиренный...

Вот хлынула опять чудовищная ночь,
и мчусь я, крошечный и пленный.

Дорога черная, без цели, без конца,
толчки глухие, вздох и выдох,
и жалоба колес, как повесть беглеца
о прежних тюрьмах и обидах.

Экспресс

На сумрачном вокзале по ночам
торжественно и пусто, как в соборе, –
но вот вдали вздохнуло словно море,
скользнула дрожь по двум стальным лучам,
бегущим вдаль, сходящимся во мраке, –
и щелкнули светящиеся знаки,
и в черной глубине рубин мигнул,
за ним – полоска янтарей, и гул
влетел в вокзал, могучий гул чугунный, –
из бездны бездн, из сердца ночи лунной,
как бы катясь с уступа на уступ.

Вздохнул и стал: раскрылись две-три двери.

Вагоны удлиненные под дуб
окрашены. На матовой фанере
над окнами ряд смугло-золотых
французских слов, – как вырезанный стих,
мою тоску дразнящий тайным зовом...
За тенью тень скользит по бирюзовым
прозрачным занавескам. Плотно скрыв
переходные шаткие площадки,
чернеют пыльно кожаные складки
над скрепами вагонов. Весь – порыв
сосредоточенный, весь – напряженье
блаженное, весь – жадность, весь – движение, –
дрожит живой, огромный паровоз,
и жарко пар в железных жилах бьется,
и в черноту по капле масло льется
с чудовищных лоснящихся колес.

И через миг колеса раскачнулись
и буферов забухали щиты –

и пламенисто-плавно потянулись
в зияющий колодец темноты
вагоны удлиненные... И вскоре
забыл вокзал их звон и волшебство,
и стало вновь под сводами его
торжественно и пусто, как в соборе.

«Как часто, как часто я в поезде скором...»

Как часто, как часто я в поезде скором
сидел и дивился плывущим просторам

Гроздь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и льнул ко стеклу холодеющим лбом!..
И мимо широких рокошущих окон
свивался и таял за локоном локом
летучего дыма, и столб за столбом
проскакивал мимо, порыв прерывая
взмывающих нитей, и даль полевая
блаженно вращалась в бреду голубом.
И часто я видел такие закаты,
что поезд, казалось, взбегают на скаты
крутых огневых облаков и по ним
спускается плавно, взвивается снова
в багряный огонь из огня золотого, –
и с поездом вместе по кручам цветным
столбы пролетают в восторге заката,
и черные струны взмывают крылато,
и ангелом реет сиреневый дым.

Примечания

1 Гроздь. Берлин: «Гамаюн», 1923

2 Фиалка трехцветная (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!